

От редактора рубрики

From the editor of the section

*Дьявол играет нами,
когда мы не мыслим точно*

М.К. Мамардашвили

В 1923 г. уже бывший на тот момент приват-доцент восточного факультета Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) во Владивостоке и еще действующий сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого С.М. Широкогоров (1887–1939), командированный ГДУ в Шанхай в сентябре 1922 г., опубликовал здесь свою монографию "Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений". Учитывая обстоятельства времени и места появления этого издания, состоящего из 8 глав общим объемом в 134 страницы, оно явно было обречено остаться известным лишь немногим специалистам, получившим его лично или в библиотеки своих учреждений. Дело в том, что сам С.М. Широкогоров не смог вернуться в Россию, так как был уволен из ГДУ после установления 25 октября 1922 г. во Владивостоке советской власти и вынужденно оказался в эмиграции, получив со временем клеймо "белоэмигрант". Казалось также, на какое-то признание "Этноса..." не приходилось рассчитывать после скептического ("провинциальщина") отзыва Л.Я. Штернберга – одного из ведущих российских этнографов этого периода. Для полноты картины необходимо вспомнить, что в 1929 г. на совещании этнографов Москвы и Ленинграда этнология, за развитие которой активно ратовал Широкогоров, была объявлена буржуазной наукой, несовместимой с марксизмом. Понятно, что его работы были определены в спецхран, и казалось, что вопрос о каком-то этносе закрыт окончательно и бесповоротно.

Но еще во время Великой Отечественной войны П.И. Кушнер, выполняя задание Генерального штаба РККА, почему-то начал "реанимировать" идею этноса. О некоторых работах самого С.М. Широкогорова в 1950-х гг. стали упоминать известные специалисты Г.М. Василевич и А.П. Окладников. Вскоре появились публикации по проблеме этноса С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова. В 1960-х гг. вышли в свет первые статьи, посвященные этносу Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева. Кульминацией этого процесса в СССР стал выход в свет в 1973 г. монографии Ю.В. Бромлея "Этнос и этнография". Представленный в ней "советский" вариант теории, дополненный другими публикациями автора, решал непростую задачу: согласовывал идею этноса с марксизмом. Но нельзя не отметить, что именно Ю.В. Бромлей назвал С.М. Широкогорова первым создателем теории этноса. Несколько сдержаннее отдал должное нашему "эмигранту" и Л.Н. Гумилев в своих признанных немарксистскими книгах.

Изменение идеологической ситуации в нашей стране обусловило широкое распространение идеи этноса за пределами научного сообщества и сняло запрет на обращение к наследию С.М. Широкогорова, которое мы практически не знали. Об "Этносе..." еще в 1920-х гг. сугубо положительно отзывался академик В.М. Алексеев, а после длительного перерыва С.А. Арутюнов, Г.Е. Марков и некоторые другие исследователи. Но вскоре под инспирированный сменой приоритетов критический порыв сначала попал по идеологическим мотивам "советский" вариант теории Ю.В. Бромлея. В новых условиях идеи Л.Н. Гумилева, включая пассионарность, были более приемлемы, но их аргументация оставалась уязвимой с научной точки зрения. Затем развенчанию подверглась и "немарксистская" теория этноса Ши-

рокогорова, наиболее *развернуто* представленная в этой самой редакции издания 1923 г., после того как его "Большой этнос" оказался утрачен. Инициативу по разоблачению "заблуждений", основывавшихся на теориях этноса, с конца 1980-х гг. активно продвигал В.А. Тишков, которому надо было проявить себя на новом поприще. В качестве альтернативы нашему "неправильному" пониманию проблемы им стала пропагандироваться иностранная концепция *этничности*, норвежского специалиста Ф. Барта¹.

Примечательно, что все эти метания происходили на фоне растущего интереса к научному наследию С.М. Широкогорова. Его работы по физической антропологии, лингвистике и этнографии сначала публиковались в Англии, Польше, Франции, Японии, позднее они переиздавались в Европе, США и, наконец, в России, а также переводились в Китае. Представляю, как бы удивились советские ученые-марксисты, если бы своевременно узнали, что теорию этноса Широкогорова активно применяли еще в условиях режима апартеида специалисты из Южной Африки, учившиеся в Германии². Подобный "транснационализм" публикаций и идей этого непонятого русского автора, который, как многие полагали, так нигде толком и не доучился, не получил ученых степеней, в основном работал на "окраине империи" во Владивостоке, а затем до конца своих дней в Китае, ломал привычные стереотипы о научных центрах и "правильной" научной карьере. С этим "недоразумением" надо было что-то делать, а то, чего доброго, могли появиться предложения о предоставлении этому русскому Широкогороду "*привилегированной роли как значимой фигуры в транснациональной антропологии или среди интерпретаторов этноса*".

На выполнение этой сверхважной миссии были выдвинуты канадец Д. Андерсон, работающий в Абердинском университете в Великобритании, ректор которого А. Кит в 1930-е гг. интересовался идеями Широкогорова, и наш бывший соотечественник, "человек из Кемерово" Д. Арзютов. Со своими "разоблачениями" эти носители "передовой прогрессивной науки" вышли на широкую аудиторию в 2017 г. в специальной рубрике "Изобретение этноса" журнала "Этнографическое обозрение", приуроченной к 135-летию со дня рождения С. М. Широкогорова (оцените изощренный цинизм)³. В своих статьях Андерсон и Арзютов разоблачили и злоупотребление Широкогородовыми (Сергея Михайловича во всех экспедициях и в эмиграции сопровождала и активно ему помогала жена Елизавета Николаевна) этнографической властью и жонглирование фактами. По их мнению, после смерти мужа, "Елизавета агрессивно продвигала" его наследие. Самого Широкогорова уличали в нежелании меняться, подобно "дикому тунгусу", и том, что в своей биосоциальной теории этноса он продвигал идеи близкие *евгенике, расизму* и крайне *правильным* взглядам чуть ли не нацистского толка, поскольку для него идентичность *политика* была более значимой, чем идентичность *антрополога*. К сожалению, эти домыслы некритично восприняты другими нашими авторами⁴. Чего стоят на самом деле эти домыслы, наряду с общим представлением содержания "Этноса...", показывает в своей статье А.М. Кузнецов.

Так что же такого значимого содержит это издание С.М. Широкогорова, если спустя и 100 лет после его публикации о нем не забыли, его переиздают, о нем спорят в разных странах представители различных научных школ и направлений? Чтобы это понять, критики "Этноса..." не должны были игнорировать предупреж-

¹ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / F. Barth (Ed.). Prospect Heights, IL: Waveland Press. P. 9–38.

² Скальник П. Советская "теория" этноса и ее южноафриканская параллель // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 3. С. 72–85.

³ Следует отметить, что кроме рассматриваемых статей по "изобретению", в рубрике были и хорошие публикации о С.М. Широкогороде и его наследии, подготовленные А.А. Сириной, В.Н. Давыдовым, С.С. Алымовым и Т.Д. Булгаковой

⁴ Верховцев Д.В. Этнос post-mortem советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 79–101.

дение самого Сергея Михайловича: "Его ("Этноса..." – А.К.) появление преждевременно потому, что, согласно намеченного мною ранее плана работы, оно должно было *увенчать* собою публикацию ряда уже законченных разработкой *этнологических исследований тунгусских народностей* и отдельных вопросов, долженствовавших послужить введением к настоящему исследованию". Пойти на нарушение своего плана Широкогорова побудило: "Сознание того, что некоторые положения и даже *вся система изложения* значительно *отличают* настоящую работу от подобных исследований других авторов, толкнуло меня на немедленное опубликование исследования в надежде, что *критика* одних и, быть может, *помощь* других в выполнении некоторых частных исследований, вытекающих из настоящей работы, дадут возможность *корректировать* возможные ошибки и ускорить *проверку правильности всей системы*"⁵. Помощи со стороны коллег автор не дождался, а вот "ушатов" критики на него вылилось сполна. Такое отношение стало возможным потому, что, действительно, некоторые положения "Этноса..." сильно отличаются эту работу. Поэтому в представленной рубрике мы хотели отразить вклад Широкогуровых в *этнологическое изучение тунгусских народностей*, чтобы стали понятны этнографические основания и эмпирическая составляющая теории этноса (статья А.А. Сириной и В.Н. Давыдова). Развивает этот аспект статья М. Кнуппеля о переиздании отредактированного "Тунгусского словаря" С.М. Широкогорова. Другой полюс обсуждения проблемы этноса с позиций современной философии науки как *теоретического предмета* представлен в статье М.Е. Буланенко и А.В. Поповкина. Пространство между двумя указанными полюсами заполняет раздел статьи А.М. Кузнецова, в котором рассматриваются основные положения теории этноса С.М. Широкогорова в варианте 1923 г. и их эвристичность для современной научной теории и методологии. Такой вывод подтверждается в статье О.С. Пахомова, в которой проведено исследование значения *сознательных* и *психических* аспектов данной теории (позднее систематизированных Широкогуровым как концепция *психоментального комплекса*) для понимания современных проблем стран Восточной Азии. Выявление же серьезных теоретико-методологических проблем у современных критиков теории этноса, а также случаев явного плагиата, позволяют утверждать, что потенциал идей, заложенных в "Этносе..." С.М. Широкогорова далеко не исчерпан и реквием для него еще рано заказывать. Поэтому 100-летний юбилей со времени публикации монографии С.М. Широкогорова "Этнос..." – это важное событие для нашей российской науки, которое должно было получить адекватную оценку.

Кроме того, результаты исследований, предлагаемые в данной рубрике, позволяют зафиксировать важные характеристики феномена С.М. Широкогорова как ученого, которые заключаются не в его "неуживчивости" ("ушедшая в себя улитка") и переоценке своего значения в создании теории этноса, так как он не первый стал использовать термин "этнос". На самом деле он представляет собой очень редкий *тип* настоящего ученого, который может проводить скрупулезные *эмпирические исследования*, но одновременно развивать глубокие *теоретические идеи*, аккумулирующие лучшие достижения своего времени и даже *обгоняющие* их. Поэтому, учитывая время, проведенное в экспедициях, вклад в изучение этнографии коренного населения Сибири и Северного Китая, а также такого явления как шаманизм, наконец, создание теории этноса с концепцией психоментального комплекса, которая позволяет преодолеть тупики постмодернизма, я буду настаивать на том, чтобы С.М. Широкогуров занял свое "привилегированное положение" не только в *российской*, но и *мировой этнологии/антропологии*.

А.М. Кузнецов

⁵ Широкогуров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогуров С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 146 с.